

Кочуя от одной реки к другой, вабанаки вынуждены были переносить на руках каноэ и прочий скарб. Они знали, как важно отказаться от лишнего, понимали, что некоторые вещи придется бросить. Но сильнее всего продвижение затруднял страх, и часто оказывалось, что эту ношу скинуть сложнее всего.

Банни Макбрайд. Женщины утренней зари

ПРОЛОГ

Я верю в призраков. Они не покидают нас — тех, с кем когда-то жили бок о бок. Не раз и не два я чувствовала, что они рядом: наблюдатели, свидетели — не то что живые люди, которым нет до меня никакого дела.

Мне девяносто один год, и почти все, что когда-то было частью моей жизни, теперь принадлежит миру призраков.

Иногда мне кажется, что эти фантомы реальнее людей, реальнее Бога. Они заполняют молчание своим весом, плотностью, теплотой — точно тесто, поднимающееся под полотенцем. Моя бабушка — добрые глаза, кожа присыпана тальком. Мой папа — трезвый, смешливый. Моя мама, напевающая песенку. С этих призрачных созданий будто спадает вся горечь пьянства и безысходности, и в смерти они защищают и утешают меня — чего никогда не делали в жизни.

Я уже привыкла думать, что именно это и есть рай: уголок в нашей памяти о других, где обитают их лучшие «я».

Может, мне еще повезло: в девять лет я обрела призраки лучших «я» моих родителей, а в двадцать три — призрак лучшего «я» моего возлюбленного. И сестра моя, Мейзи, всегда рядом — ангел на моем плече. В мои девять ей было полтора года, в мои двадцать — исполнилось бы тринадцать. Сейчас, в мои

девяносто один, ей восемьдесят четыре — и она по-прежнему здесь, со мной.

Может, призраки и не замена живым, но мне никто не давал выбора. Либо утешаться их присутствием, либо рухнуть без сил и оплакивать все, что утрачено.

Призраки постоянно шептали мне в ухо, чтобы я не сдавалась.

Спрус-Харбор, штат Мэн 2011 год

Сквозь стену своей спальни Молли слышит, как в соседней комнате, гостиной, опекуны говорят о ней.

— На такое мы не подписывались, — заявляет Дина. — Знала бы я, что у нее столько заморочек, никогда бы не согласилась.

— Знаю, знаю.

Голос у Ральфа усталый. Молли в курсе, что это именно он подал идею об опекунстве. Давным-давно, в юности, когда он был «трудным подростком» (об этом он поведал ей без всяких обиняков), соцработница в школе включила его в программу «Большой брат», и он до сих пор твердо уверен, что именно большой брат — или ментор, как он его называет, — не дал ему окончательно сбиться с пути. Дина же с самого начала отнеслась к Молли с предубеждением. Осложнялось дело еще и тем, что до Молли на их попечении находился мальчик, который попытался устроить поджог в своей начальной школе.

— Мне и на работе стрессов хватает, — говорит Дина, возвышая голос. — Последнее, что мне нужно, — это приходить домой и там тоже вариться в дерьме.

Дина работает диспетчером в полицейском участке Спрус-Харбора; по наблюдениям Молли, стрессам там браться особо неоткуда — пьяные водители, бытовые драки, мелкие кражи, ДТП — да и то

нечасто. Если уж вам приспичило стать полицейским диспетчером, вряд ли найдется на свете другое место с таким низким уровнем стресса. Но Дина — человек нервный по натуре. Заводится по малейшему поводу. Она как бы исходит из того, что все в жизни должно идти гладко, — а если что вдруг не идет (такое случается, понятное дело, довольно часто), она удивляется и с ходу лезет в бутылку.

Молли в этом смысле полная Динина противоположность. Все семнадцать лет ее жизни почти всё шло наперекосяк, и она успела к этому привыкнуть. Если что-то вдруг начинает идти гладко, она просто не знает, что думать.

Как, например, с Джеком. Когда в прошлом году ее перевели в школу «Маунтдезертайленд», в десятый класс, почти все одноклассники начали подчеркнуто ее избегать. У всех у них были свои друзья, свои компании — а она никуда не вписывалась. Впрочем, надо признать, она и сама не выглядела белой и пушистой: давно убедилась на собственном опыте, что лучше быть крутой и странноватой, чем слянявой и уязвимой, — и свой готский прикид носит как броню. Единственным, кто попытался до нее достучаться, был Джек. Случилось это в середине октября, на обществоведении. Когда их попросили разбиться на пары, чтобы выполнить задание, Молли, как всегда, оказалась одна. Джек пригласил ее присоединиться к их паре — к нему и Джоди, которая, судя по всему, мягко говоря, не обрадовалась. Все пятьдесят минут до конца урока Молли напоминала кошку с выгнутой спиной. С чего это он решил к ней подлизаться? Чего ему от нее надо? Он что, из тех парней, которым нравятся чокнутые девчонки? В любом случае ничего ему не обломится. Она стояла к нему спиной, сложив руки на груди,

сгорбившись, — жесткие темные волосы падали на глаза. Когда Джек задавал ей вопросы, она хмыкала и пожимала плечами, хотя за ходом дела следила и свою часть задания выполняла. «Странная она совсем, — донеслись до нее слова Джоди, когда после звонка все выходили из класса, — у меня аж мурашки по коже». Молли обернулась, поймала взгляд Джека — и он неожиданно улыбнулся. «А по-моему, классная девчонка», — произнес он, не отрывая от нее глаз. Впервые с поступления в эту школу она не выдержала — и улыбнулась в ответ.

За следующие месяцы Молли кое-что узнала о прошлом Джека. Отец его был сезонным рабочим из Доминиканской Республики — с мамой его он познакомился на сборе ежевики в Черрифилде, обрюхатил ее, двинул к себе домой, сошелся с местной девицей и забыл о Джеке навек. Его мать так и не вышла замуж, работала у богатой старухи в особняке у моря. Джеку бы тоже полагалось стать маргиналом, но он этого избежал. И спасли его следующие вещи: безусловный успех на футбольном поле, обаятельная улыбка, огромные, с влажной поволокой глаза и до смешного длинные ресницы. Он упорно отказывается относиться к самому себе всерьез, но Молли-то знает, что он умнее, чем показывает, — может, и вообще не знает, насколько он умен.

На то, что он толковый футболист, Молли наплевать, а вот ум она уважает (глаза с поволокой — лишь приятное приложение). Ее же собственное любопытство полностью сосредоточено на одной вещи — которая, собственно, и удерживает ее от того, чтобы броситься на рельсы. Поскольку она гот, «нормального» поведения от нее все равно не ждут, так что странности можно проявлять в чем угодно. И Молли постоянно читает — в коридорах, в столо-

вой; в основном — романы со «сдвинутыми» персонажами: «Девственницы-самоубийцы»¹, «Над пропастью во ржи», «Под стеклянным колпаком»². Незнакомые слова она выписывает в тетрадку, потому что ей нравится, как они звучат: *Греховодница. Двоедушный. Оберег. Вдовствующая. Разбередивший. Душераздирающий...*

Поначалу Молли полностью устраивало, что ее образ создает дистанцию между ней и новым для нее коллективом, ей нравились настороженность и недоверие в глазах одноклассников. И все же, хотя сознаваться в этом и не хотелось, в последнее время образ начал ей мешать. На то, чтобы его поддерживать, каждое утро уходила уйма времени, и ритуалы, которые некогда были нагружены особым смыслом: выкрасить волосы в черный цвет с розовыми или белыми прядками, обвести глаза толстой черной чертой, наложить тональный крем на несколько оттенков светлее собственной кожи, нацепить и застегнуть всякие неудобные одежды, — теперь стали ее раздражать. Она чувствует себя клоуном, который проснулся однажды утром и понял, что не хочет больше наклеивать красный резиновый нос. Большинству людей не приходится тратить столько сил, чтобы оставаться в выбранной роли. А она что, каторжная? Молли даже начала помышлять о том, что на новом месте — потому что, разумеется, будет следующее место, следующая при-

¹ «Девственницы-самоубийцы» (1993) — роман американского писателя Джеффри Евгенидиса о сестрах из маленького городка, стоворившихся покончить с собой. (*Здесь и далее примеч. перев.*)

² «Под стеклянным колпаком» (1963) — автобиографический роман американской писательницы и поэтессы Сильвии Плат, повествующий о ее первой попытке самоубийства. Роман был опубликован только после того, как вторая попытка оказалась успешной.

емная семья, следующая школа — она придумает другой образ, не требующий таких трудозатрат. Гранж? Секс-бомба?

Вероятность того, что это произойдет, причем очень скоро, усиливается с каждой минутой. Дина уже давно мечтает избавиться от Молли, а теперь у нее появился удобный предлог. Ральф всегда строил свою систему защиты на поведении Молли: он, как мог, убеждал Дину, что под дикой прической и боевой раскраской таится милое дитя. Так вот, рассыпалась его система защиты.

Молли встает на четвереньки, откидывает вышитый красшек покрывала и вытаскивает две большие дорожные сумки — Ральф купил их ей на распродаже в «Л. Л. Бин»-овском аутлете в Элсворте (на красной вышито «Брейден», на оранжевой в яркий цветочек — «Эшли»: почему на них никто не клюнул — из-за расцветки или из-за этих дурацких имен, выведенных белой ниткой, — Молли неизвестно). Открывает верхний ящик комода — и тут телефон начинает выбивать под одеялом дробь, а потом жестяным голосом вызванивает «Импакто» Дэдди Янки. «Чтоб ты знала, что это я, и взяла, блин, трубку», — сказал Джек, когда купил ей этот рингтон.

— Ола, ми амиго¹, — говорит она, наконец отыскав телефон.

— Салют, как жизнь, чика?²

— Так себе. Дина не в духе.

— Правда?

— Правда. Дело серьезно.

— Насколько серьезно?

— Ну, похоже, меня отсюда вот-вот вышибут.

¹ Привет, дружище (*исп.*).

² Дорогуша (*исп.*).

Она чувствует, как перехватывает дыхание. Ей самой удивительно — ведь уже и не упомнишь, сколько раз это случалось раньше, в разных вариациях.

— Да не, — говорит он. — Не думаю.

— Угу, — возражает она, вытягивая из ящика стопку носков и трусов и закидывая их в «Брейдена». — Они прямо сейчас об этом и говорят.

— Но тебе же присудили сколько-то часов общественных работ.

— Не сложится. — Она достает ожерелье с брелоками, кучкой лежащее в ящике на самом верху, перекатывает золотую цепочку между пальцами, пытаясь ослабить узел. — Дина говорит — меня никто не возьмет. Я не заслуживаю доверия. — Узел расходится под большим пальцем, она тянет концы в разные стороны. — Да ладно. Говорят, в тюрьме для подростков не так уж плохо. И всего-то несколько месяцев.

— Но... ты же не крала эту книгу.

Зажав телефон между ухом и шеей, она надевает цепочку, нашаривает застежку, смотрит в зеркало над комодом. Черная тушь под глазами размазана — ну чистый футболист.

— Я ведь прав, Молли?

Дело в том, что — книгу она действительно украла. Вернее, попыталась. Свой любимый роман, «Джейн Эйр», — ей очень хотелось собственный экземпляр, в полное свое распоряжение. В магазине Шермана в Бар-Харборе книжки не было, а попросить продавца заказать ее специально она не решилась. Через интернет не купишь — Дина ни за что не дала бы ей номер своей кредитки. А ей никогда ничего не хотелось так сильно. (Ну, вернее... уже давно не хотелось.) И вот стоит она на коленях в библиотеке перед узкими стеллажами с художе-

ственной литературой, а на полке прямо перед ней — три экземпляра романа, два в мягкой обложке, один — в твердой. Экземпляр в твердой обложке она уже брала дважды на свой абонемент. А сейчас сняла с полки все три томика, взвесила на руке. Поставила тот, что в твердом переплете, на место — рядом с «Кодом да Винчи». Бумажную обложку, ту, что поновее, тоже потом вернула на полку.

Тот экземпляр, который она засунула за пояс джинсов, был старым, обтерханным — пожелтевшие страницы, целые абзацы подчеркнуты карандашом. Клей на дешевой обложке пересох, она почти отвалилась. Попади эта книжка на ежегодную распродажу библиотечных излишков, вряд ли бы ее оценили больше чем в десять центов. Молли решила: да никто ее и не хватится. Ведь есть целых два экземпляра поновее. Однако в библиотеке недавно установили электронную систему предотвращения краж, и несколькими месяцами раньше четыре волонтерки, дамы понятного возраста, которые отдавали библиотеке Спрус-Харбора все свои силы, потратили несколько недель на то, чтобы приклеить магнитные полоски к внутренней стороне обложки каждой из одиннадцати тысяч книг. И в тот день, когда Молли выходила, — понятия не имея, что выходит через специальные ворота, — громкий настойчивый писк переполошил старшую библиотекаршу Сюзан Леблан, и она спикировала на Молли, как почтовый голубь.

Молли даже не отпиралась — вернее, попыталась поначалу извернуться: мол, хотела взять книгу почитать. Однако Сюзан Леблан переубедить не удалось.

— Не оскорбляй меня, ради Христа, своим враньем, — сказала она. — Я за тобой следила. Так и знала, что ты что-нибудь натворишь.

И вот ведь кошмар и ужас — ее предположения оказались истинными! А ей так хотелось хотя бы раз ошибиться в хорошую сторону.

— Да, паршиво. Что, оно правда так? — Джек вздыхает.

Глядя в зеркало, Молли проводит пальцем по брелокам на шее. Теперь она редко носит это ожерелье, однако всякий раз, как в жизни нечто происходит и становится ясно, что скоро опять переезжать, ее тянет его надеть. Цепочку она купила в магазине уцененных товаров «Марден» в Элсворте и прикрепила к ней три своих брелока: сине-зеленую эмалевую рыбку, латунного ворона и крошечного бурого медведя — папа подарил их ей на восьмой день рождения. Через несколько недель он погиб в автомобильной аварии: ехал на большой скорости ночью по обледеневшему шоссе И-95, слетел в кювет и перевернулся, после чего мама Молли, двадцати трех лет от роду, покатила по наклонной — и выбраться не сумела. К следующему своему дню рождения Молли уже жила в другой семье, а мама отбывала срок. Эти брелоки — все, что осталось у нее от прежней жизни.

Джек — отличный парень. Но она ждала такого развития событий. Рано или поздно он, как и все остальные — соцработники, учителя, опекуны, наестся до отвала, почувствует, что его надули, что от Молли куда больше бед, чем радости. Да, ей очень хочется хорошо к нему относиться, и она очень искусно делает перед ним соответствующий вид, а на деле не позволяет себе расслабиться. Нет, она не то чтобы притворяется, но никогда не раскрывается до конца. Она давно уже выяснила, что может сдерживать свои чувства: нужно только представить, что грудная клетка — это огромный ящик, запи-

рающийся на прочный замок. Она приоткрывает ящик, запикивает туда чувства, с которыми не сладить, непокорную грусть или сожаления, а потом с грохотом опускает крышку.

Вон Ральф тоже попытался разглядеть в ней что-то хорошее. Такой уж он по натуре: видит хорошее даже там, где его нет. И хотя Молли некоторым образом признательна ему за эту его веру, полностью ему доверять она не может. В определенном смысле с Диной даже проще: та вообще не пытается скрыть свое недовольство. Проще сразу решить для себя: этот человек меня недолюбливает, чем потом лиш- ний раз разочаровываться.

— «Джейн Эйр»? — говорит Джек.

— Какая разница!

— Я бы купил тебе эту книжку.

— А, ну да.

Даже теперь, влипнув по самые уши и, вероятно, нараввшись на новый переезд, она знает, что никогда не стала бы просить Джека купить ей эту книгу. Во всей системе опекуинства сильнее всего она ненавидит именно это — зависимость от едва знакомых людей, беззащитность перед любыми их прихотями. Она приучила себя ничего ни от кого не ждать. О днях ее рождения часто забывают; во время каникул думают про нее в последнюю очередь. Она привыкла обходиться тем, что есть, а то, что есть, — далеко не всегда то, что ей нужно.

— До чего, блин, упертая! — говорит Джек, будто бы разгадав ее мысли. — Сама видишь, во что в результате вляпалась.

В дверь стучат твердой рукой. Она прижимает телефон к груди и смотрит, как поворачивается дверная ручка. Вот еще одна прелесть такой жизни: никакого замка, никакой возможности уединиться.

Дина всовывает голову в дверь — губы, выкрашенные розовой помадой, сжаты в тонкую линию.

— Нам необходимо поговорить.

— Хорошо. Сейчас закончу по телефону.

— С кем ты говоришь?

Молли отвечает не сразу. Разве она обязана? Да пошло оно все.

— С Джеком.

Дина морщится.

— Побыстрее. Не до утра же тебя ждать.

— Я сейчас. — Пристально глядя на Дину, Молли ждет, пока голова не скроется за дверью, потом снова подносит телефон к уху: — Пожарным пора на выезд.

— Стой, стой, погоди, — останавливает Джек. — У меня есть одна идея. Правда, довольно... бредовая.

— Ну, — говорит она хмуро. — А то мне идти надо.

— Я поговорил с мамой...

— Ты что, серьезно? Ты все ей рассказал? Предлагаю, как она теперь ко мне относится.

— Погоди, дослушай! Во-первых, нормально она к тебе относится. А во-вторых, она переговорила с дамой, у которой убирается, и вроде бы можно устроить так, чтобы ты отработала у нее.

— Чего?

— Да.

— Но... как?

— Ну, видишь ли, хозяйки хуже моей мамочки во всем свете не сыщешь.

Молли нравится, как он это говорит: сухо, без осуждения, будто докладывает, что мама у него левша.

— А дама хочет разобрать вещи на чердаке: старые бумаги, коробки, всякую такую хрень; для мамы это как страшный сон. Вот я и предложил, что-

бы это сделала ты. Пятьдесят часов на это убить — как нефиг делать.

— Стой. Ты хочешь, чтобы я разбирала чердак какой-то старушенции?

— Да. Как раз для тебя занятие, по-моему. Да ладно, я-то знаю, какая ты аккуратистка. У тебя на полке вон как все разложено. Все бумажки по папочкам. И книги, кажется, расставлены по алфавиту.

— Ты что, заметил?

— Я тебя знаю лучше, чем ты думаешь.

Молли вынуждена признать про себя, что, как бы странно это ни казалось, она любит порядок. Аккуратна до одержимости. Со всеми этими бесконечными переездами она научилась бережно относиться к своим немногочисленным пожиткам. При этом идея Джека вызывает у нее серьезные сомнения. День за днем торчать на пыльном чердаке, копаться в хламе старой карги?

С другой стороны, невелик выбор...

— Она хочет с тобой познакомиться, — говорит Джек.

— Кто?

— Вивиан Дейли. Пожилая дама. Она хочет, чтобы ты пришла...

— На собеседование? Ты хочешь сказать, что она решила устроить мне собеседование?

— В качестве первого шага, — поясняет он. — Как, согласна?

— У меня что, есть выбор?

— Есть. Посидеть в тюрьме.

— Молли! — рывкает Дина, молотя в дверь. — А ну выходи немедленно!

— Хорошо! — откликается она, а потом Джеку: — Хорошо.

— Что хорошо?

— Я согласна. Поеду, поговорю с ней. Пройду собеседование.

— Класс! — говорит он. — Да, кстати, лучше бы надеть юбку или что-нибудь... ну, сама знаешь. И снять часть сережек.

— А кольцо в носу?

— Мне лично оно очень нравится, — говорит он. — Но...

— Врубилась.

— Это только для первого раза.

— Да ладно. И, это... спасибо.

— Не благодари, это я из эгоизма, — говорит он. — Хочу, чтобы ты еще немножко здесь поболталась.

Молли открывает дверь спальни и улыбается прямо в натянутые, опасливые лица Дины и Ральфа.

— Не переживайте. Я придумала, как отработать свои часы.

Дина бросает взгляд на Ральфа, Молли мгновенно распознает его смысл — за долгие годы она научилась читать мысли опекунов.

— Но если вы решили меня вытурить, я пойму. Найду кого-нибудь другого.

— Мы не хотим тебя выгонять, — возражает Ральф, а Дина в то же время произносит:

— Это необходимо обсудить.

Они таращатся друг на друга.

— Как скажете, — говорит Молли. — Если вас не устраивает, мне пофиг.

В этот момент, пока не выветрилась позаимствованная от Джека бравада, ей действительно пофиг. Не получится — значит, не получится. Молли давно поняла, что почти все сердечные травмы, почти все предательства, которые другим достаются на протяжении целой жизни, у нее уже в прошлом.

Отец умер. Мама скатилась в яму. Молли перебра-
сывали из рук в руки, отвергали снова и снова. Тем
не менее она дышит, она спит, она растет. Просыпа-
ется каждое утро, одевается. Так что под словами
«мне пофиг» она имеет в виду, что способна пере-
жить почти все, что угодно. Вот только теперь, впер-
вые на ее памяти, появился человек, который готов
о ней позаботиться. (Нет, все-таки с ним наверняка
что-то не так.)